

ПЕРСОНА

Татьяна ДОГИЛЕВА:

"Пусть лучше говорят, что я потеряла изюминку, чем шепчутся, как я плохо выгляжу"

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ТАТЬЯНЫ ДОГИЛЕВОЙ

Запретный плод, понятное дело, сладок. Сколь бы Догилева ни твердила, что терпеть не может, когда ее имя появляется в светской хронике, закрытость актрисы вызывает лишь обратный эффект. Если судить по той же самой нелюбимой Догилевой светской хронике, в ее жизни за последние четыре года произошло следующее: а) решила больше не сниматься в кино; б) сделала серию пластических операций; в) развелась с мужем, известным писателем-сатириком Михаилом Мишиным. А как на самом деле?

МОССИЛЬМ

"Очень пошло помирать из-за того, что какой-то дядька не дал тебе роль"

— Вы знаете, — прервала мой монолог актриса, — честно говоря, газет я не читаю. Поэтому понятия не имею, что обо мне пишут.

— А я вам сейчас расскажу...

— Не надо, не надо. Я для себя вывела очень удобную формулу: раз я этого не знаю, значит, вроде ничего и нет. Да и кому это интересно?

— Уверяю вас, ошибаетесь. Итак, я все-таки попробую: во-первых, пишу, что вы решили навсегда бросить кино...

— Я так не говорила. Да, четыре года не снималась и за это время практически не получила предложений. На этом основании я сделала вывод, что, видимо, кино меня разлюбило. А я, в свою очередь, разлюбила его. И к возможному концу моей кинокарьеры отнеслась очень спокойно — у актрис и лучше меня заканчивались карьеры. Такова уж особенность нашей профессии: существует вероятность риска, что когда-нибудь ты станешь никому не нужной.

— И что теперь: с глаз долой — из сердца вон? Имею в виду кино.

— Ну а что, я должна страдать и мучиться, лить горькие слезы, видя на экране других актрис? Не-е-ет. Я, слава богу, как-то внутренне успокоилась и с удовольствием смотрю на всех знакомых: как они работают, как выглядят, что говорят. А для себя решила, что, возможно, мой типаж больше никому не нужен и ролей в сегодняшнем теле- и кинорепертуаре для меня попросту нет.

— Откуда у вас такие упаднические мысли?

— Ну как. Прыгун в высоту не может же прыгать до 50 лет...

— Это совершенно другое. Многие актрисы к сорока годам только расцветают, взять хотя бы ту же Алису Фрейндлих. Как в вашем возрасте можно говорить о каком-то конце? Извините, не понимаю.

— Потому что вы не актриса...

— Слава богу.

— ...А тому история знает массу примеров — сколько угодно. Как будто перед тобой просто выключают свет, и все — ты за бортом.

— Кто же тот злоумышленник?

— Да нет, что вы. Я никого не подозреваю в злых кознях против меня. Но так случается: или надоела, или нет ролей, или шлейф предыдущих работ ведет к тому, что в новом качестве тебя не воспринимают. Я над этим сильно не задумывалась и серьезно не анализировала.

— А вот в это как раз сложно поверить.

— Ну, наверное, без каких-то печальных минут не обошлось. Иногда было несколько неловко, когда приезжаешь на тот же "Кинотавр", а там все рассказывают о своих новых работах. В результате я перестала туда ездить. Не потому, что стыдно, а просто потеряла ко всему этому интерес. Новые люди, новые лица... Я уже их в принципе не знаю.

— Отстали от жизни?

— Отстала. От этой жизни, безусловно, отстала.

— Это минус или плюс?

— Ни то ни другое — это моя жизнь. Такая данность.

— Вы сейчас так просто об этом говорите. Однако в середине 90-х, когда, на-

МОССИЛЬМ

сколько знаю, у вас был схожий период, не были столь спокойны.

— Конечно. Это вообще было время страшное, когда вся страна, все устало перевернулись. Во-первых, из-за возраста я стала терять роли лирических героинь. Вдобавок и кино стало очень мало, к театру зрители потеряли интерес. И если существует кризис среднего возраста, то я его пережила.

— А что это такое — "кризис среднего возраста"? Если пережили, должны знать?

— Для меня это перемена амплуа. Если раньше ты всегда была в центре, а тебе все подыгрывали, то теперь надо было привыкать, скажем так, к другим мизансценам.

— Вам отказывали в каких-то ролях?

— Нет, не отказывали — просто перестали звонить. У меня появилось очень много свободного времени, которое я не знала чем заполнить. До того всем моим временем распорядились другие люди. То есть кто-то мне звонил, кто-то утверждал, кто-то вез на грим, кто-то ставил в кадр, кто-то говорил: "Поверни голову туда, сюда". Потом меня сажали, отвозили... Понимаете, на самом деле это полная зависимость. И когда оказалось много свободного времени, вдруг выяснилось, что

на самом деле жить-то я не умею. Это было сильное потрясение: и много слез, и чудовищная депрессия, и первый раз в жизни я подумала, что выбрала не ту профессию. Наша профессия — своего рода наркотик, заблуждение. Вызывает чудовищное привыкание.

— Не пробовали набирать номера телефонов знакомых режиссеров?

— Нет. Я твердо знала, что если ты не должна играть эту роль, то и не будешь. Знаете эту фразу: "Никогда ничего не проси..."

— "...сами придут и все дадут". Да?

— Ну, вторая часть редко сбывается. (Смеется.) Но то, что проси — не проси, а роль тебе никто не даст, — это точно. Если не положено.

— Насчет этой фразы все понятно. Но есть еще другая: "Мы не ждем милостей от природы. Взять их у нее — вот задача".

— Вот вы молодой человек, и вам еще кажется, что все в ваших руках. А поживете — и поймете, что это далеко не так.

совсем не до кино. Поняла, что искусство, если ты о нем не думаешь сутками напролет, — намного меньше, чем жизнь. Особенно маленького человека, за которого ты несешь ответственность.

— И "наркотик" перестал действовать?

— В какой-то момент я, наоборот, почувствовала огромную радость от того, что не завишу от всей этой круговерти. Но вот этим летом, после четырехлетнего перерыва, мне вновь посыпались предложения — я снялась в трех сериалах. Не знаю, это возобновление карьеры или предсмертная судорога. (Смеется.) Но скажу честно, как на духу: я опять попала в зависимость. Уже думаю: а чего же больше мне не звонят, неужели так плохо сыграла? И мне это не нравится. Как только попадаешь в эту круговерть, как белка в колесе, начинаешь за чем-то гнаться. Непонятно за чем. Если бы я могла сказать: я гонюсь за деньгами... Но это было бы не совсем верно.

— Если не за деньгами, то за чем?

— Ну как: в молодости ты гонишься за популярностью, за славой, за восхищением...

— Этого вы наелись?

— В принципе да. Я знаю, что все равно не перепрыгну себя молодую по пику своей карьеры. Грубо говоря, за чем мне уж так гнаться, я не понимаю. Вот такая дилемма: с одной стороны, сниматься хочется, а с другой — хочется быть совершенно независимой.

— Какой же выход из этой дилеммы?

— Мне кажется, выход есть. Вот только подозреваю, что он ложный.

— Какой же?

— (Картинно смущаясь.) Я хочу быть кинорежиссером. (Хохочет.) Я попробовала в театре, поставила три спектакля. Теперь мне кажется, что, если реализую себя как кинорежиссер, это будет более осознанное существование в этом мире. Это я так думаю. Но точно знаю, что ошибаюсь.

— Потому что рецензии на ваши первые театральные работы были не ах?

— Ой, это было ужасно. Первый опыт — ты совсем не защищена. Когда тебе говорят: ты бездарь, ты не должна идти в режиссуру... Я на это несколько лет жизни положила (с ироническим надрывом), а они пишут, что откровенная халтура. Очень тяжело переживала. Я ведь была из тех балованных актрис, которые считают, что лучше режиссеров все знают. Спустя две недели после начала репетиций я поняла, что это совсем не так. Но пережила. Благодаря артистам, которые не разбежались, и зрителям, которые уже седьмой сезон ходят на этот спектакль. А потом я поставила второй спектакль, третий...

— Когда же от вас ждать первого фильма?

— Планов как таковых нет. Есть бредовое желание поставить фильм. Эта сфера для меня абсолютно неизведанная. Я работала в кино по ту сторону камеры, а что творилось по другую... Как часовой механизм: я не понимаю, как работают шестеренки, я только вижу, что время — двадцать минут седьмого. Сейчас я, так скажем, открываю для себя внутренности этого механизма. А там столько всего! И разберусь я в этом или нет — еще вопрос.

— У сильных женщин таких вопросов не возникает.

— А я не очень-то понимаю, что такое сильная женщина.

— Наверное, та, которая знает, что у нее все получится.

— Ну, тогда я не сильная женщина. Немало было ситуаций, когда я говорила себе: "Я это сделаю, я этого добьюсь", — и преспокойненько этого не добивалась.

— Потому что всегда можно найти тысячу причин.

— Нет, прилагала все усилия. Просто я знаю, что можно выложиться целиком и ничего не добиться.

— Не было мыслей начать все сначала, найти себя в чем-то ином?

— Нет. Как-то все сложилось, что я плакала-плакала и в своей депрессии зашла очень далеко. То есть: нет смысла жить — до таких глубостей. Дни превращались в бесконечные рыдания, самопоедания, доставалось всем: мужу, подругам... Тот, кто пережил, что такое настоящая депрессия, тому не надо рассказывать. А другим я не хочу... И вот когда я в своей депрессии дошла до крайности, меня пронзила мысль, что это очень пошло — помирать из-за того, что какой-то дядька не дал тебе какую-то роль. Самую дурацкую, может быть.

— А это что, была какая-то минута просветления: проснулись и все осознали?

— Нет, видно, накопилась какая-то критическая масса. И сорвалась. Я для себя решила, что конец в профессии — это еще не конец жизни. И оказалась абсолютно права... Потому что уже была беременна. А дальше начались совершенно другие проблемы, и стало

мне уже от них избавились, я решила пойти по их стопам. И очень довольна.

— Сейчас в зеркало посмотрите с удовольствием?

— Да, и это очень поднимает настроение.

— Не боязно было ложиться под скальпель хирурга?

— А я опять все сделала по глупости — не задумываясь. Одна знакомая артистка сказала, что недавно прожгла через это. Спрашиваю: "Долго?" — "Да дней пять". Я пришла к врачу, он говорит: "Надо будет немного побольше отрезать". — "А это подольше?" — спрашиваю. — "У меня же репетиции". — "Ну, дня на три". ...В общем, проснулась я в бинтах кровавых. (Смеется.)

— Не было мысли "Что же я натворила?"

— Нет, я-то все с юмором воспринимала. Знаю, некоторые мужчины к этому саркастически относятся. А я считаю, те женщины, которые как можно дольше стараются быть в форме, — героини. Вы даже представить себе не можете, на что идут женщины ради того, чтобы хорошо выглядеть. Это жестокая борьба, которую ни один мужчина не выдержит.

— Борьба с самой собой или с другими женщинами?

— И с самой собой... Нет, к женщинам я всегда хорошо относилась, я такая, знаете, из феминисток. И бороться с ними не собираюсь. Конечно, для себя — чтобы тебя воспринимали так, как хочешь тебе.

— А муж как отнесся к вашему решению? Может, он и подвиг вас на этот шаг?

— Нет-нет... Я ему сказала, что это легонькая процедура, типа маникюра. И, конечно, он был ошеломлен моим видом сразу после операционной. Долго говорил: "Позвони доктору, спроси: так и останется?" Очень испугался.

— Ну конечно, можно понять мужчину.

— Да, потому что видок у меня был еще тот.

— Некоторые говорят, что после операции в вас исчезла какая-то изюминка.

— Ну, я предпочитаю, чтобы говорили так, чем: "Как же плохо она выглядит!" Я выбираю первое: "Чего-то она изменилась и потеряла изюминку..." Даже больше скажу: я жалею, что раньше этого не сделала.

— А вы к своей внешности относитесь настолько серьезно? Наверное, считаете себя красавицей?

— Боже упаси, в свое время у меня была масса комплексов по поводу внешности. Я и в кино достаточно поздно начала, потому что мое лицо считалось очень трудным для камеры. А поскольку я была заиклена на профессии, меня больше интересовало не то, красивая я или некрасивая, а будут меня снимать или не будут.

— Неужели вас не окружала куча поклонников, восхищавшихся вашей красотой?

— Поначалу никто мне этого не говорил. Могли сказать, что хорошая актриса или удачно сыграла. А то, что красавица, сказал единственный человек — Режис Варнье, режиссер фильма "Восток-Запад". Но его слова я больше приписываю французской галантности. Потому что красота не есть моя сильная сторона.

— Что же тогда?

— Ну... кое-что играть умею.

"Мы с Мишиным в браке. Остальное — без комментариев"

— И последнее: слухи о вашем разводе с мужем, Михаилом Мишиным.

— Да. Я сообщаю: мы в браке. Остальное — без комментариев.

— Одиноким себя не чувствуете?

— Иногда. Раньше, например, у меня было очень много подруг, и мы весело проводили время. А теперь... Жизнь развела: кто-то уехал за границу, кто-то совсем ушел в семью, кто-то умер. Да и у меня самой теперь хватает сил только на работу и семью. Видимо, так и должно быть.

— Но если есть кто-то рядом, можно на него переложить ответственность.

— А вот не получается. В результате оказывается, что ты за все отвечаешь.

— О Михаиле часто говорят, что он достаточно тяжелый человек...

— Ну естественно, как и все другие, которым по профессии полагаются шутить. Юмор для них — работа. А отдыхать-то надо от работы. Поэтому в жизни они не такие веселышки, как на сцене.

— Сложно было жить с таким человеком?

— Вот вы опять все туда выкручиваете. Что значит "было" — мы и сейчас живем. У нас общая дочка. Я же сказала: без комментариев.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

"В какой-то момент меня стало раздражать мое лицо"

— Ладно, с первой темой все ясно. Вторая, не менее животрепещущая, — будто бы вы сделали серию пластических операций.

— Не серию: я сделала круговую подтяжку лица. Это когда убирается лишняя кожа. В какой-то момент меня стало раздражать мое лицо. Было, как бы это сказать, очень проблематично и дискомфортно смотреть на себя в зеркало. Особенно по утрам.

— Что же вы там видели?

— Я не хочу вдаваться в подробности. Женщины поймут.

— Но мы же вас знали, видели на экране. Нам вы нравились.

— А я себе — нет. Появились лишние фрагменты. А поскольку многие мои знако-